

ЛИЛИЯ ПОДГАЙСКАЯ



ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ СМЕРТИ



Лилия Подгайская

Черный ангел смерти

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Подгайская Л.

Черный ангел смерти / Л. Подгайская — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715195-8

Когда в 1237 году хан Батый, самый амбициозный и, пожалуй, самый жестокий из всех внуков грозного Чингисхана, двинул свои неисчислимые войска на запад, следом за ним полетел, широко раскинув могучие крылья, чёрный ангел смерти. Поскольку огромному количеству городов и весей предстояло обратиться в руины и пепел, и ещё неизмеримо большему числу жизней оборваться до срока. На Руси уже порушены Рязанское и Владимирское княжества, лежат в развалинах Переяславское и Черниговское, и теперь очередь дошла до Киевского. Монгольские орды двинулись из степи на Поросье. И полилась кровь, поднялись к небу дымы пожарищ. А впереди у Батыя кровавый путь через всю Русь на Европу, к «последнему морю».

ISBN 978-0-88-715195-8

© Подгайская Л.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лилия Подгайская

Чёрный ангел смерти

Глава 1

Крепость над Росью

*Поросье.
Лето 1240 года.*

Над Поросьем стояло тёплое цветущее лето. Солнце сияло на безоблачном небе, ласково согревая всё живое. Над душистыми лугами звенели высоко в небе жаворонки, в сочной траве стрекотали кузнечики, и поблёскивала прозрачной водой река Рось, берега которой, то густо поросшие дикими лесами, то каменистые, радовали глаз своей красотой.

Сейчас лето шло уже к концу. Урожай с полей был собран, скотина хорошо отъелась на тучных пастбищах, рыбы в реке водилось в изобилии. Радоваться бы такому лету, пользуясь его дарами. Но людям не до того. Люди беспокойны.

Уже третий год бесчисленные орды жестокого и безжалостного хана Батые разоряют и жгут земли Руси. Разгромлены дружины Рязанского и Владимиро-Суздальского князей. Взяты монголами и сожжены города Рязань, Владимир, Москва, Тверь и много других – вся Северо-Восточная Русь опустошена. После этого дикого разгрома монголы, насытившиеся богатой добычей и кровью людской, отошли в половецкие степи, но не ушли совсем. Весной следующего года они двинулись на Русь с юга. Здесь первым на их пути стоял Переяславль, его захватили, разрушили и сожгли. Та же участь постигла и Чернигов со всем его огромным княжеством.

И теперь люди в Поросье не знали, чего ждать дальше. Ушли ли монголы совсем, удовлетворившись богатейшей поживой, или затаились в степи для следующего удара? Лето-то шло к концу, а их не видно и не слышно. Может, и не придут больше? Может, обойдёт их злая доля? Но нет, надеждам людским не суждено было сбыться. Вскоре разведчики донесли, что в степи началось движение. Разбросанные по её бескрайним просторам отдельные монгольские отряды собираются в одну мощную силу и двинутся они, похоже, теперь на них, на Поросье, а следом и на Киев.

Поросье никогда не было спокойной землёй, поскольку именно по реке Рось проходила граница между владениями славян и степными просторами воинственных кочевников. Потому и поставил здесь ещё два века назад князь Ярослав, прозванный Мудрым, длинную цепочку мощных крепостей и укрепленных поселений – Торчевск, Юрьев, Богуслав, Володарёв, Корсунь и ещё много других, поменьше. А у самого устья Роси, при впадении её в Днепр, стоял на высокой горе древний Родень, могучая крепость и богатый торговый город. Все эти крепости должны были оборонять подступы к Киеву с юга, от степи, и до сих пор они со своей задачей успешно справлялись, неоднократно отбивая набеги кочевников. Однако устоят ли сейчас?

Городище Гнездо, стоящее на пологом берегу Роси напротив невысокой лесистой горы, имело на совесть сделанные стены с башней над воротами, стояло на небольшом холме, да ещё было защищено глубоким рвом. Всё это воевода Стеслав, поставленный князем оборонять крепость, конечно, знал и принимал во внимание. Однако помнил он и другое – уже пали под натиском огромной вражеской силы и превратились в руины и пепел многие крепости и укрепленные городища на пути страшного Бату-хана. Никакие стены и рвы не могли спасти обречённые на гибель города и поселения. Множество людей побито, порубано и взято в плен. И теперь, видно, пришёл и их час готовиться к последней битве, поскольку сдать врагу без

сопротивления унижительно для чести настоящего воина. Так сказал воевода и сыновьям своим Степану и Гриньку, а душа болела за них, ведь они совсем ещё молодые, даже жениться не успели. Рано, слишком рано им погибать, но другого выхода нет – крепость надо защищать до последнего.

А ещё беспокоился старый воевода за самого младшего своего сына, десятилетнего Петрика, который, появившись на свет, оборвал жизнь матери. Но больше всего болела душа за любимую дочь Ярку, что напоминала ему всегда ушедшую из жизни жену, которую любил до беспамятства.

Сама Ярка тоже была взволнована в край, поскольку слышала слова, что сказал воевода сыновьям. И теперь не было ей покоя, сердце ныло за отца, братьев и ещё на любимого Василя, что был одним из двух сотников в дружине воеводы. Они с Василём должны были пожениться этой осенью, но это если бы всё было спокойно. Однако сейчас идёт на их землю великая беда, и никто не может знать, чем всё это закончится.

Совсем плохо стало, когда отец велел ей, Ярке, вместе с младшим братом исчезнуть из крепости, уйти к старой бабке Зосиме, которая живёт на поросшей лесом горе на противоположном берегу реки. Девушка не хотела ехать, плакала, просила отца оставить её тут, со всеми, но воевода был неумолим. В его глазах стояла боль от предстоящей разлуки, сердце сжималось, но он знал, что только таким путём может попытаться спасти своих детей.

– Ты не понимаешь, Яронька моя, – качал отец вконец поседевшей головой, – как страшна доля девушек, попавших в плен к этим нелюдям. И дай тебе Боже никогда этого не узнать. А ещё ты должна сберечь Петрика. Он слишком мал, чтобы драться с врагом, хоть и очень шустрый. Мальчик должен жить, должен продлить наш род на земле. Не рви мне душу, доченька, уходи, чтобы мне было спокойно. А мы будем делать то, что должны. Может, даст Бог, и устоим.

Он поцеловал дочь и младшего сына, перекрестил их и отправил от себя. Ещё и в провожатые им дал могучего воина Вовчак, сурового и неумолимого, но сильного, находчивого и смелого. Ему он верил безоговорочно, ему мог доверить своих детей.

И вот стоит девушка на крутом уступе над Росью и до боли в глазах всматривается вдаль, откуда могут появиться враги. А, может, не появятся? Может, пройдут стороной? Но нет, не сложилось, как хотелось. Под вечер следующего дня чёрное облако поднялось над землёй – это накатывала на её родной дом страшная волна монгольской рати. Бесчисленное количество всадников наступало, как саранча, покрывая собой всё пространство вокруг.

– Вовчак, – отчаянно закричала девушка, – иди сюда скорей, посмотри, что творится.

Вовчак прибежал сразу же, вместе с ним Петрик. И со страшной болью в душе наблюдали они, как чужие воины неумолимо приближаются, сразу же окружают их родную крепость, берут её в осаду и разбивают вокруг свой лагерь. Смотрели долго, пока ночь не укрыла всё своим тёмным покрывалом, и видеть можно было только мерцающие огни вражеских костров. И было их так много, как звёзд на небе.

Всю ночь не могли заснуть ни Ярка, ни Вовчак. Только Петрик вздрагивал во сне и чуть не плакал временами. Ярка прижимала его к себе, и мальчик затихал, но ненадолго. То, что он увидел вечером, не отпустило ребёнка даже во сне.

Утром, как только развиднелось, они все вместе бросились на уступ, с которого хорошо могли видеть всё, что делается на другом берегу. А творилось там страшное. Монголы уже поднялись и начали подготовку к штурму крепости. Тащили к ней вязанки хвороста, чтобы забросать ров, большие лестницы, чтобы взбираться на стены, сгоняли туда пленников, которые первыми должны были двинуться под стрелы защитников. В крепости тоже кипела работа. Стягивались камни на стены, разжигались костры под огромными казанами с водой и смолой, воины выстраивались над защитными валами, готовясь отбивать атаки врага.

И вот началось. Только-только вошло солнце, как монголы с громкими криками кинулись к крепости. Впереди себя они гнали пленных, подгоняя их батогами и копьями. Защит-

ники стреляли над головами несчастных безоружных людей, стараясь достать до монголов, но те были хорошо защищены щитами и толстыми кожаными одеждами с нашитыми на них металлическими накладками. А пленные падали, и по их телам шли новые волны нападающих. А потом зазвенели стрелы с вражеской стороны – это вступили в битву монгольские лучники. Их луки были более мощными, и стрелы летели дальше. Стали падать защитники на стенах, но оставшиеся в живых держались стойко. Плохо стало, когда в крепость полетели горящие стрелы и горшки с зажигательной смесью. Загорелись крытые камышом крыши многих домов. Чёрный дым пополз по крепости, выедавая глаза и мешая дышать. И тут монголы кинулись на штурм. Они лезли на стены со всех сторон, но их скидывали, поливали кипятком и горячей смолой, отталкивали тяжёлые лестницы. Так продолжалось весь день. Потом монголы отступили.

Смотреть на это было жутко. Сердце Ярки стонало, будто раненое. А как же они там, в крепости, все – отец, братья, Василь. Удержатся ли завтра? Останутся ли живыми? Девушка бросила взгляд на Вовчака, но в его глазах увидела лишь безнадёжность. И поняла – крепость обречена.

Новый день не принёс облегчения, наоборот, стало ещё хуже. За ночь у монголов откуда-то взялся стенобитный таран. Они подтянули его под защитой щитов, укрытых сверху ещё и мокрыми шкурами, под самые ворота и начали в них бить. Ворота затрещали, с валов стала осыпаться земля. А таран всё бил и бил. Вскоре ворота упали. Монголы огромной волной ворвались в крепость, и началась дикая бойня. Но силы были неравны. Защитники отступали к площади, где творилось что-то невероятное.

Всё закончилось ещё до того, как наступил вечер второго дня осады. Крепость пала. Монголы быстро покидали опустошённое городище, тянули за собой небогатую поживу. В крепости же догорали последние дома, чёрный дым курился над местом, где ещё так недавно кипела жизнь. Смотреть на это было больно и очень страшно. Ярка выплакала, казалось, все слёзы, но они всё лились и лились, забирая у девушки последние силы. Петрик смотре на это страшное зрелище сухими глазами, но в них загорелись такие же яркие огоньки ненависти, что грозно пылали в глазах Вовчака. За два дня мальчик, казалось, превратился во взрослого мужчину. Вовчак положил ему руку на плечо.

– Держись, парень, – проговорил тихо, – на это горько смотреть, но ты теперь единственный наследник бесстрашного воеводы Стеслава и должен быть достойным своего отца. Надо стиснуть зубы и идти дальше по жизни, чтобы со временем отомстить врагу за разрушенную родную крепость и погибшую семью. Сможешь ли?

– Смогу, дядька Вовчак, – так же тихо ответил Петрик, – но того, что видел, не забуду никогда. Это останется со мной до смерти.

На землю тихо опускалась ночь. Она была безлунной, и в этой темноте растаяло всё вокруг. Лишь мерцали огоньки костров монгольского лагеря. Крепость же накрыла непроглядная тьма. Её как будто и не было никогда на небольшом холме над берегом Роси.

Эту ночь Ярка спала, но сон её был тревожный и какой-то тяжёлый. Только-только развиднелось, как она кинулась на ставшее привычным место над рекой. Вовчак с Петриком были уже там. Как только растаял утренний туман, глазам их предстало жуткое зрелище. Их крепость была разрушена до основания. Казалось, что это чёрный ангел смерти распростёр над ней свои широкие крылья, погасив все краски жизни. Ни одного живого человека, ни одного целого дома – только чёрные сгоревшие руины и мёртвые тела. Их было так много, что весь холм, на котором стояла крепость, покрылся ими, как земля листьями в осеннем лесу.

А монголы собирались идти дальше своей чёрной дорогой смерти.

– Неужели они и Киев порушат так же, как и нашу крепость? – с отчаянием проговорил Вовчак, глаза которого были наполнены болью.

Ответа на этот вопрос не знал никто. Пока что не знал.

Когда монголы скрылись из глаз, оставив за собой только чёрную тучу пыли, на разорённую землю упала тишина. Казалось, ничего живого здесь больше нет. Только высоко в небе парил ястреб. А на земле царила смерть.

– Мне нужно пойти туда, – сурово проговорил Вовчак, глядя на своих спутников потемневшими глазами.

– Я тоже пойду, – твёрдым голосом отозвалась Ярка. – Мы должны найти и по-людски похоронить отца и братьев. И ещё моего Василька.

Петрик, молча, встал рядом. В глазах его таились печаль, боль, отчаяние, но настроен он был решительно.

– Да, мы пойдём туда все вместе, – согласился Вовчак. – Это то единственное, что мы ещё можем сделать для них.

И они стали спускаться с горы крутой тропинкой, которая змейкой вилась между большими валунами и густыми зарослями калины. На другой берег реки перебрались на лодке, что была спрятана в густых камышах небольшой затоки. Дальше пошла дорога, всё гуще покрытая мёртвыми телами. Сначала это были только монголы, но чем ближе они подходили к подъёму, ведущему к самым воротам, тем больше попадалось тел славян и половцев. Это были несчастные пленники, которых монголы гнали на смерть впереди себя.

Крепостные ворота были разбиты, башня над ними обрушилась. А дальше только мертвецы – монголы и защитники. Как тут найти своих? Но отыскать нужно. И они начали свой страшный путь поиска.

Первым нашли Степана. Он лежал возле самого защитного вала с монгольской стрелой в горле.

– Братик мой, – кинулась к нему Ярка. – Стешко, родненький.

И она горько и громко заплакала.

Вовчак, не говоря ни слова, оттащил мёртвое тело в сторону и вытащил из горла Степана стрелу. Петрик был рядом. Лицо его превратилось в живую маску отчаяния, но мальчик сдерживался, напрягая все силы.

Дальше мертвецов было ещё больше. Вместе, в одной куче, лежали защитники крепости и её захватчики, которых объединил один конец – смерть. Вовчак с Петриком оттаскивали в сторону монголов, находили своих и переворачивали их лицом вверх. Всмотривались в мёртвые лица, такие разные, старые и совсем ещё молодые, но все суровые и непреклонные.

Посреди городища, на площади, скопления мертвецов были самые большие. Тут происходила отчаянная бойня. Среди них и нашли воеводу Стеслава. Он лежал под телами нескольких монголов. В правой руке его был зажат меч, а грудь насквозь проткнуло вражеское копьё. Рядом с ним был и Гринько. Увидев этот ужас, Ярка заголосила, завывала, как раненая волчица, роня горячие слёзы на холодные уже лица родных людей. Тут не сдержался и Петрик, закричал громко, дико, выливая в крике свою боль. Вовчак смотрел на эту картину в глубоком отчаянии. Но кому-то нужно было взять себя в руки.

– Всё, девонька, хватит, – проговорил сурово, – надо ещё отыскать твоего Василя.

Ярка поднялась, глянула на воина. В глазах её застыло такое неизбывное горе, что сердце мужчины сжалось. «Боже, – горько подумал он, – за что ж ты наказываешь людей так жестоко?». Но нужно было действовать.

– Помоги мне, парень, – обернулся он к Петрику.

Тот тоже поднялся, глотая слёзы, помог вытащить из страшной кучи тела отца и брата. Потом пошли дальше, внимательно оглядывая погибших. И тут из-под одной кучи до них донёс тихий, едва слышный стон. Вовчак кинулся туда, быстро раскидал мертвецов и увидел потемневшее лицо сотника Василя. Ранение было очень тяжёлым, но воин был ещё жив.

– Ярка, – громко позвал Вовчак, – скорей сюда. Мы нашли его.

Девушка кинулась на зов и замерла. Василь, её Василько, лежал среди погибших своих и чужих воинов с проткнутой мечом грудью, но ещё дышал и едва слышно стонал.

– Любый мой, сердечко моё, – прошептала она сквозь слёзы.

И тут синие глаза широко распахнулись и, казалось, глянули на неё. Но нет, жизнь уже покидала искалеченное тело. Василь ещё раз простонал, содрогнулся и затих навсегда.

Горю девушки не было границ. Погибли все, кто был ей дорог. Остался только Петрик. Как же теперь жить дальше?

Тем временем суровый воин быстро выкопал яму под стеной крепости, туда снесли тела воеводы Стеслава, обоих его сыновей и сотника Василя и закидали их землёй. Больше ничего уже для погибшей крепости они сделать не могли. Бывшее городище осталось в объятиях смерти.

Покидая разорённую крепость, Вовчак прихватил с собой меч воеводы Стеслава, чтобы передать его со временем подросшему Петрику. Он чувствовал себя теперь ответственным за этого осиротевшего мальчика, которого воевода доверил его заботам. Но что он может сделать для него теперь, в этой новой жуткой жизни, не знал и сам. Подумав немного, Вовчак собрал ещё, что мог, из оружия, захватив с собой на тот берег. Больше прийти сюда они не смогут. Летнее солнце делало своё дело, и только вороньё кружило теперь над местом, где ещё недавно стояла мощная крепость, и жили люди.

Волна смерти прокатилась по их земле, и казалось, что весь мир вокруг умер, покрылся чёрным пеплом. Но это было не так. По-прежнему сияла под солнцем чистой голубизной река Рось, несущая свои воды к могучему Днепру. Пастбища и луга по её берегам были вытоптаны, но леса вокруг зеленели. Их-то набегники-степняки боялись, лишь к краю решались подступать, когда валили деревья для своих надобностей. И в этих лесах сохранилась жизнь. Там снова распевали свои песни птицы, хищники добывали себе пищу, вонзая когти и зубы в недостаточно увёртливую добычу, копошилась на земле всякая мелочь. И ещё здесь смогли спрятаться люди, те, кто успел спастись от вражеской стрелы или безжалостного удара боевого топора. Таких немного было в окрестностях, но Вовчак нашёл их и собрал в одном месте – у подножия невысокой горы на берегу Роси, напротив погибшей крепости. Это были, в основном, молодые женщины с детишками, пара старух, да два мальчишки-подростка чуть старше Петрика. Здесь, под горой, под защитой воина, им легче было выжить. Тут рядом была река, а значит, и рыба. Кое-что можно было добыть охотой. Да и лес давал людям пропитание. Конечно, впереди была зима, и её нужно было пережить. Поэтому общими силами копали и укрепляли землянки, заготавливали, как могли, припасы. Петрик, да ещё два мальчонки, чуть постарше, – Стенька и Тишка – стали главными добытчиками. Мальчишки из окрестных поселений сразу признали Петрика, как сына воеводы, за главного. И они вместе трудились, насколько хватало сил, – ставили силки на зверя, ловили рыбу, заготавливали дрова.

А сам Вовчак, устроив, как мог, новое лесное поселение на Роси, оставил его на попечении Петрика и его дружков. Он надумал отправиться на разведку. Надо было узнать, что стало с другими крепостями и поселениями на реке, и хотелось найти ещё живых людей. Оставаться в этой заброшенной глуши и не знать ничего о том, что творится вокруг, было трудно с самого начала, а теперь стало невыносимо. И он двинулся по реке, взяв ту самую лодку, что послужила им уже раньше.

Пошёл воин вверх по течению. Там, в широкой излучине Роси на скалистом левом берегу стояла могучая крепость Юрьев, названная в честь самого князя Ярослава, его крестильным христианским именем. Вовчаку доводилось бывать в этом стольном городе Поросья, центре Поросской православной епархии, и он хорошо его помнил. Сердцем города была гора с высящимся на ней мощным детинцем, а рядом белокаменной высокой церковью, видной издалека. Внизу раскинулся посад. А вокруг густые, дикие леса. Город не раз отбивал набеги кочевников, печенегов, потом половцев, перекрывая им дорогу на север, к Киеву. Что сейчас? Страшно

было представить руины и смерть на месте цветущего города, но сердце вещало недоброе. И где-то в глубине души теснились неясные предчувствия, что ему на веку предстоит увидеть ещё великое множество разрушений и горя людского. Он гнал их от себя, но избавиться от них не мог.

Два дня шёл он по реке, осторожно прокладывая себе путь и внимательно глядя по сторонам, готовый в любой миг схватиться за оружие. Но вокруг было тихо. Жизнь вымерла по берегам Роси, только птицы подавали голоса в раскинувшихся вокруг лесах, да рыба плескалась в воде временами. К вечеру другого дня стал Вовчак присматривать место для стоянки. Нужно было ещё рыбы наловить, да ужин себе приготовить.

И вдруг на самом берегу увидел живого человека, впервые за всё время пути. Это был старый дед, и занимался он тем же, что и Вовчак собирался делать, – готовил себе на маленьком костерке еду.

– Эй, дед, – окликнул его воин, – ты живой человек или мне только чудишься?

Старик вздрогнул от неожиданности, потом широко заулыбался.

– Живой, живой, сынок, – проговорил на удивление сильным и молодым голосом. – Как же я рад видеть тебя! А то казалось, что никого вокруг и нет уже. Страшное это дело одному остаться на земле, истинное наказание Господнее.

Старик, как видно, любил поговорить, и это очень обрадовало Вовчака, успевшего уже истоскаться по человеческой речи за время пути. Он быстро причалил к берегу, привязал лодку к опускающимся в воду ветвям раскидистой ивы и подошёл к костерку.

– Вот и славно, что ты поспел к ужину, мил человек, – приветливо заговорил дед снова. – Я как чуял, пару лишних рыбёшек в золу заложил. Садись, да поведай мне скорей, откуда идёшь, и что в твоих местах дёется.

Вовчак рассказал старику о горьких днях, когда порушена и сожжена была на его глазах крепость Гнездо. Говорить об этом было больно, временами голос срывался. Дед печально покачал головой:

– Вот и я иду от того же. Своими глазами довелось видеть, как монголы проклятые берут Юрьев и рушат его, и жгут. Кругом людские стоны, крики, а они, знай, машут саблями своими кривыми да топорами окровавленными.

– Неужели порушили крепость совсем?

– До основания, сынок. Всё черно там, только на горе белеют развалины храма. Он ведь из огромных белых камней сложен был. Свалить его монголы не смогли, но порушили сильно и крышу спалили.

Говорит, а сам едва сдерживается. Там, в городе этом под детинцем могучим, остались навсегда его сын, невестка и внуки. Горько, ох, как горько оставаться на старости лет одному, как перст. Но такая уж у него судьба, а от неё ведь не уйдёшь, не скроешься.

– И куда ты теперь? – любопытствовал Вовчак.

– Людей ищу живых, не могу ведь жить один, как сыч, в лесу.

– Вот и считай, что нашёл, – утешил его Вовчак. – У нас там, под горой, небольшое поселение образовалось. Бабы и детишки, в основном, но всё живые люди. Я их по лесам окрестным собрал. Вместе легче будет и зиму пережить, и вообще выжить, если только это возможно, когда на нашу землю страшная чёрная саранча пошла. Всё ведь сожрёт и не подавится.

Он от души сплюнул, выражая всю свою злость и ненависть.

– Должны выжить, – тихо сказал дед, – тем более детишки. Их, как я понял, и оберечь некому, кроме тебя.

– Нет, есть там ещё сын славного воеводы Стеслава, что пал в битве, до последнего защищая свою крепость. Петрик его зовут, да ему только десять годочков от роду. А ещё есть два пришлых мальчонки, что я привёл вместе с бабами – Стенька и Тишка. Они тоже не намного старше. Но сейчас времена тяжёлые, и мальчишкам рано приходится становиться взрослыми.

Петрик вон на моих глазах из мальчишки в мужчину превратился, когда на разрушение родной крепости смотрел. Вот они сейчас и оберегают поселение.

– Это хорошо, – признал дед и улыбнулся беззубым ртом. – Из таких мальчишек сильные воины вырастают.

Он помолчал, потом встрепенулся:

– А тебя-то так зовут, мил человек?

– Вовчак я, был воином в крепости, да велел мне воевода детей его, сына Петрика и дочку Ярку, от ворога спасти, на тот берег реки переправить и уберечь от беды. Так и жив остался. Да душа болит, что крепость не защищал.

– Не печалься, воин, – тихо проговорил дед, – ты большое дело сделал, душу отцовскую утешил надеждой, что дети его живы останутся.

Потом помолчал немного и добавил.

– А меня кличут Севом, и я всех, всю семью потерял в Юрьеве.

Вовчак глянул на деда сочувственно:

– Даст Бог, у нас приживёшься, дед Сев, и будет у тебя другая семья. Пусть не родная, а всё не один на свете жизнь свою доживать станешь.

Дед согласно покивал головой, но печаль не ушла. За своими родными душа болела и исходила горячими слезами. Однако нужно было жить дальше, и предложение Вовчака было очень ко времени.

Мужчины поели в молчании и улеглись спать. Рано утром поднялись и двинулись в обратный путь, вниз по реке.

Теперь по течению плыть было легче, и они достигли развалин Гнезда уже в середине другого дня пути. Вовчак хотел отправить деда Сева в поселение, а сам ещё пройти по реке до Богуслава. Поглядеть на берега да людей поискать. Но дед вызвался плыть с ним, и воин согласился – вдвоём и впрямь лучше.

Вниз по течению лодка шла легко, но до самого Богуслава было дальше, чем до Юрьева. Вскоре они заметили, что берега становятся всё более каменистыми. А потом скалы и вовсе встали высокими стенами, и река меж ними стала быстротечней и беспокойней. Теперь вперёд продвигались очень осторожно, по-над берегом, а потом и вовсе вытащили лодку из воды. Вокруг была несказанная, какая-то первозданная красота. Клонящееся к закату солнце окрашивало скалы в розоватый цвет, и они казались сказочными великанами, высотой до шести сажень, не меньше, наклонившимися над рекой. А впереди посередине реки возвышался небольшой каменистый остров, и вода вокруг него бурлила и кипела, образуя небольшие, но опасные пороги.

На берегу, тут и там, тоже были разбросаны огромные каменные глыбы, между которыми вилась дорога наверх, к самому городу. Но Богуслава на высокой скале больше не было, от него остались лишь чёрные обгоревшие остовы домов, да везде были разбросаны мёртвые тела, уже порядком обглоданные хищными зверями и птицами. Смотреть на это было моторошно, и мужчины поспешили покинуть погибший город. Поднявшись ещё чуть-чуть вверх по реке, они стали на ночёвку. Говорить не хотелось, на душе было сумрачно. Ведь везде вокруг, куда ни глянь, царили разрушение и смерть.

Вовчак, взяв лук, отправился в лес, подстрелить какую-никакую дичь, пока ещё светло, а дед Сев пристроился на берегу ловить рыбу. Он в этом деле, как заметил воин, был большой мастак. Вскоре возле вытянутой из воды лодки уже горел костерок, и на нём поджаривалась заячья тушка, а в золу были пристроены несколько рыбёшек. Аппетитный аромат разнёсся по берегу. И тут недалеко послышался человеческий голос, скорее жалобный стон.

Не зная, кто это там, в потемневших уже кустах, Вовчак вскочил, изготавившись на всякий случай к битве. Но из зарослей показалась маленькая фигурка, едва держащаяся на ногах. Не такой уж и старый, как казался, дед Сев имел к тому же зоркие глаза.

– Ты смотри, девчонка, – удивлённо проговорил он. – Да она сейчас упадёт, держи её, Вовчак.

И во время сказал. Подскочивший к девочке воин подхватил уже падающее хрупкое тельце в край обессиленного ребёнка. Это были, казалось, ходячие моши, а не живой человек.

Устроив девочку возле перевёрнутой на ночь лодки, Вовчак побрызгал ей в лицо водой, а потом смочил сухие потрескавшиеся губы. Она жадно облизнула их и открыла глаза. Серые как вечерние облака глазищи казались огромными на маленьком исхудавшем личике, и в них появился страх.

– Не бойся, малышка, мы свои, – тихонько успокоил её воин. – Вот, испей ещё водицы.

И он поднёс к лицу ребёнка берестяную мисочку с водой. Дед Сев, не любивший терять время попусту, пополнил уже их походный быт несколькими хозяйственными поделками, в том числе вот этой маленькой мисочкой и двумя большими деревянными ложками. Есть ими пока было нечего, поскольку не было котла, чтобы сварить хоть что-то, но запасливый дедок был доволен – в хозяйстве пригодится всё, приговаривал он, и принимался за следующую поделку. Сейчас маленькая мисочка с водой из реки, поднесённая дедом, была как раз по делу.

Девочка выпила воды и глянула на спасших её людей голодными глазами.

– Сейчас я дам тебе поесть, дитяtko, – скрипучим от жалости голосом проговорил дед Сев, – только не спеши и не ешь сразу много, а то худо тебе станет.

Куда там не есть, когда изголодавшийся ребёнок увидел перед собой на большом зелёном листе почищенное от костей рыбье мясо. Девочка диким зверьком накинулась на угощение и вмиг смела всё, что было. Потом удовлетворённо вздохнула, и глаза её закрылись сами собой. Дитя было измучено до крайности. Вовчак накрыл маленькое тельце своим кафтаном, а потом они оба долго сидели у слабо горящего костерка, молча. Дед отложил малышке ещё пару рыбинок – с этим-то она справится легче, а вот заячье мясо ей сейчас давать никак нельзя, пусть хоть капельку наберёт силы.

Только утром, когда ребёнок отоспался и ещё раз досыта наелся, мужчины узнали, что зовут девчушку Настуня, лет ей вот-вот исполнится восемь и идёт она от самого Роденя.

– Далеко-то как, Господи помилуй! – воскликнул дед Сев. – И как дошла?

– Далеко это, правда, и идти было трудно и страшно, но надо ведь. Мамка сказывала, что у меня здесь, в Богуславе, тётка родная есть, и она сможет меня приютить, если что. Я пришла, а здесь...

И девчушка горько заплакала.

– А в Родене что? – осторожно поинтересовался Вовчак.

Девочка взглянула на него своими огромными глазищами, и такая тоска в них встала, что сердце щемит смотреть.

– Нет больше Роденя, – сказала и хлюпнула носом.

Родень был старинный, большой и очень хорошо укреплённый город на берегу Роси, у самого её устья. Здесь ещё сыновья князя Святослава Игоревича бились между собой, когда за великокняжью шапку дрались, и Владимир убил брата своего Ярополка. Широко раскинувшийся город лежит у подножья поросшей лесом Княжьей Горы, а на самой вершине её большой княжий терем и церковь. Значит, и эту крепость повоевали проклятушие монголы, подумалось Вовчаку, а там уже и до Канева рукой подать. Он куда слабее Родня, ему никак не устоять.

– А сама-то как спаслась? – спросил всё же у девчушки.

– Так меня мамка в подпол забросила, когда эти косоглазые подошли к стенам города, и велела сидеть тихо, словно я мышь какая, и носа не казать наверх, пока всё вокруг не закончится. Уж не знаю, сколько я там просидела, но только есть мне больно захотелось, аж живот подвело. Там в подполе только квашеная капуста была и яблоки моченые в бочке, от них ещё больше есть хотелось. И страшно было очень. А когда я вылезла, наконец, наверх, то мне ещё страшней стало. От города одни головёшки остались и от терема на горе тоже. Еле выбралась я

из спалённого города. Не помню, как и добралась сюда. А здесь – то же самое. Думала, пропаду теперь одна, но тут вас нашла.

– С нами не пропадёшь, малышка, не бойся, – успокоил ребёнка дед Сев, – мы тебя с собой возьмём. Верно, Вовчак?

– А то как же, – подтвердил воин.

Именно он, на взгляд девчушки, был тут главным. Значит, и правда, не бросят они её, эти мужики, на которых вышла совсем случайно.

И дальше они отправились по реке втроём.

В поселении их сразу окружили взволнованные женщины. Петрик со своим отрядом тоже был здесь. Он сделал шаг вперёд, встал перед Вовчаком и громким звенящим голосом доложил:

– В поселении Лесное Гнездо всё спокойно.

И сверкнул глазами.

– Молодцы, парни, герои, – похвалил их воин. – А я вам пополнение привёз. Принимайте. Это дед Сев из Юрьева, а это Настуня из самого Родня.

И без слов было понятно, что дела вокруг хуже некуда. Но Вовчак всё же уточнил обстановку, нахмурившись и потемнев лицом:

– Всё на Руси порушено и разорено, от Юрьева и до самого Днепра. Нет больше Поросья, нет крепостей, нет поселений. И людей живых тоже нет, одно вороньё летает.

Женщины горестно завздыхали, многие залились слезами. Как же им-то выжить, когда вокруг всё мёртвое? Но тут подал голос дед Сев:

– Однако люди живые есть ещё, только по лесам они попрятались, как и вы. Не все полегли от меча да от пожаров проклятых нападающих. И нам жить надо. Вон, детишек-то сколько. Их ещё поднять след и на ноги поставить. Не верю я, что Русь вот так запросто прихлопнуть можно. Монголы сильны, спору нет. Но и мы живучие, выдюжим, выстоим, и придёт время, погоним набегников обратно в их степи.

Речь деда произвела нужное действие, и бабы загомонили уже по-другому. А Ярка подошла к Настуне, крепко её обняла, прижала к себе.

– Ничего, маленькая, выживем, – проговорила и утёрла выступившие на глазах слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.